

РАЗДЕЛ 5. ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ**SECTION 5. ECONOMIC SCIENCES**

УДК 316.628

ББК 60.821.5

Vashchenko Alexander Nikolayevitch,
 doctor of economics, professor,
 editor-in-chief of the journal «Business. Education. Law.
 Bulletin of Volgograd Business Institute»,
 Volgograd,
 e-mail: a161946@yandex.ru

Ващенко Александр Николаевич,
 д-р экон. наук, профессор,
 главный редактор журнала «Бизнес. Образование. Право.
 Вестник Волгоградского института бизнеса»,
 г. Волгоград,
 e-mail: a161946@yandex.ru

ПОНЯТИЕ МОТИВАЦИИ В XXI ВЕКЕ. ПРОГНОЗЫ И ОЦЕНКИ**CONCEPTION OF MOTIVATION IN XXI CENTURY. FORECASTS AND ASSESSMENTS**

Мотивация деятельности человека традиционно представляется в виде процесса, начинающегося с внутреннего или внешнего стимула. В результате повышения или понижения активности индивид стремится достигнуть оформившейся в его сознании цели. Но такая линейная схема может быть дополнена и расширена. Предпосылки перехода к новой структуре мотивации и пытается выявить данная статья. На эту мысль нас подтолкнули опубликованные в этом столетии работы, посвященные деятельности человека, которые предлагают не останавливаться на изучении взаимосвязи мотивации и остальных психических процессов и свойств личности, влияния на него внешних условий, а рассмотреть структуру субъекта деятельности и совершаемых им действий, предлагают своего рода их парадигму. Анализируя теории, предшествовавшие работам К. Воглер, К. Корсгаард и М. Томпсона, мы попытались представить, что же в дальнейшем ученые будут понимать под деятельностью и мотивацией к ней.

Human motivation for actions is usually defined as a process beginning with internal or external incentive. As a result of activity increase or reduction, a person attempts to achieve his intentional goal. Nevertheless, such linear scheme can be supplemented and extended. This paper aims at seeking preconditions for transition to a new motivational structure. Recent works on human behavior, which encouraged us, claim not only to study the relations between motivation and other psychological processes, person's features, external influences, but also to focus on the structure of the action subject and the activities performed by him that could be considered as some kind of paradigm. Analyzing the theories preceding the works by Candace Vogler, Christine M. Korsgaard and Michael Thompson, this article tries to predict the potential evolution of scientists' view on the human activity and motivation for it.

Ключевые слова: мотивация, теория мотивации, деятельность, принятие решения, цель, мотивированное действие, мышление, стимул, XXI век, возможности, потребности, причины.

Keywords: motivation, theory of motivation, activity, decision-making, goal, motivated action, thinking, incentive, XXI century, possibilities, demands, reasons.

Задумываться над причинами своих действий человек начал, пожалуй, уже с появлением у него реалистического мировосприятия, мышления в форме понятий, пришедшего на смену образному видению мира. Сейчас сложно себе это представить, но мифотворческое сознание не знало каузальности: у человека архаической эпохи восприятие причинности имело форму тождества причин и следствий. Отсутствовало разделение субъекта и объекта, время воспринималось как пространство, а оно, в свою очередь, представлялось вещью. То есть осознаваемое действие в нашем сегодняшнем понимании просто не имело места. Мы неслучайно заглядываем в такое далекое прошлое – именно от первобытного сознания стоит отсчитывать историю человеческого действия, не важно, хотим мы, как в данном случае, сфокусироваться на процессе мотивации или нас интересуют, к примеру, вопросы морали. Человеческая история, по сути, это история человеческого мышления, а оно также является действием, причем перманентным и осознаваемым индивидом лишь отчасти.

Рамки статьи не позволяют нам охватить столь объемный временной пласт и проследить взаимоотношения человека и действия – ведь не стоит забывать, что все высказывания по этому вопросу были продуктами своего времени, и выгодой будет прибегнуть к познаниям в области исторической психологии и антропологии, – но это и послужило поводом ограничиться лишь минувшим столетием, вдохновлявшимся и схоластическим, аристотелевским видением поведения как последовательности стерильных, чисто умственных, отчетливых актов, и идеей о приоритете воли в жизни человеческой личности, и эволюционной теорией, понимавшей поведение как функцию адаптации.

Вспомнить о временах, когда причина одного действия скрывалась в действии смежном, нас, кроме того, побудило большое количество работ, датированных уже веком ны-

нешним, где внимание нацелено как раз таки на действие само, а не на причины, ведущие к его осуществлению, или, наоборот, на субъект деятельности. То есть на смену вопросу «Почему?» пришли вопросы «Что?» и «Кто?»: например, Кандейси Воглер [1] пытается ответить на вопросы «А что же есть действие?» и «Какое из них есть подлинное действие (complex action), а которое лишь «атомистическое» (atomic action)?» Вопрос «Почему?» направлен на структуру действия для идентификации целенаправленных действий и их составляющих и не используется в рамках мотивационной структуры. Кроме того, автор оставляет за человеком возможность делать что-либо *просто так*. К тому же причины, мотивирующие к действию, отличаются от индивида к индивиду, таким образом, его поступки не могут оцениваться с некой универсальной точки зрения. Майкл Томпсон также вслед за Воглер подвергает действия сегментации, и лишь те из них, что вызваны причинами практического толка, а не психическими состояниями, как желания или интенции, являются собственно действиями [2]. Напротив, Кристин Корсгаард подходит к деятельности человека психологически, она принимает в расчет такие мотивирующие силы, как драйв или особо сильное желание, но лишь их одних для действия недостаточно [3; 4]. Только действие, совершаемое целой личностью (а не ее частью, психическими состояниями, к примеру), может считаться принадлежащим выполняющему его (agent). Если Воглер и Томпсон сегментировали объект мотивационной ситуации, то Корсгаард, отвечая на вопрос о том, есть ли условия для возникновения мотивации, синтезирует проявления действующего субъекта, настаивая на «авторской» природе подлинного действия, за результат которого индивид уже несет ответственность.

Возможно, такой дифференцирующий подход к поведению является уже сложившейся тенденцией, или же это проявление цикличности в человеческой мысли и формировании картины мира, как мы предположили вначале. Итак, припомнив себе теории мотивации, появившиеся в прошлом столетии, дерзнем сделать прогноз, что же в дальнейшем будет означать «*делать, совершать действие*».

До 70-х годов преобладающим был структуральный подход (отсюда и понятие «мотивационная структура»), рассматривавший всевозможные мотивационные силы с различных перспектив. На смену структуре пришел динамический комплекс взаимосвязанных процессов, где достаточно внимания уделялось пониманию внешних причин, ситуационных влияний, направленных на индивида, а также поиску общих, типовых характеристик мотивации индивида. Примером может послужить Рубикон модель Хайнца Гекхаузена или теория «Current Concerns» Эрика Клиндера и Майлза Кокса. Гекхаузен выделяет четыре фазы процесса мотивации – от возникновения и до последствий реализации целенаправленного действия [5]. Фазы с преобладанием оценки возможности достижения цели, оценки внешних воздействий, вероятных результатов и их последствий, в ходе которых обрабатывается большое количество информации, автор называет мотивируемыми. Фазы, в которых мысль направлена на планирование и непосредственно осуществление деятельности, а отбор информации носит выборочный характер (внимание уделяется началу и действиям, необходимым для достижения развязки), контроль над ситуацией же преувеличивается, получили название «свободных». Гекхаузен особо подчеркивает окончание первой фазы, когда формируется интенция. Это и есть мысленное «пересечение Рубикона», когда назад пути уже нет. В первой фазе индивид объективно оценивает действия, без

предвзятости относительно некоторых альтернатив. Однако после этого решения обработка информации уже носит более узкий характер и субъективно испытывает влияние выбранной цели. Гекхаузен таким образом демонстрирует неоднородность процесса мотивации, состоящего из отдельных процессов, которым присуща саморегуляция.

Э. Клиндер и М. Кокс, авторы теории актуальных интересов (Current Concerns Theory, CC), видят жизнь человека как череду стремлений к конкретным целям [6]. Концепт CC предполагает существование некоего интереса (concern), отвечающего конкретной цели. Решение достичь этой цели (commitment) отделено от ее воплощения (или же отказа от нее) латентным, не вполне осознанным процессом, позволяющим индивиду реагировать соразмерно текущим условиям, получившим название Current Concern. Действие стимулов, связанных с избранной целью, сопровождается эмоциональной активностью организма, когнитивными и моторными реакциями. Индивид оценивает, существует ли связь между стимулом и стремлением к цели. Если ее нет, то работа с данным стимулом прекращается, если связь наличествует, то обработка информации продолжается или же получает развитие в конкретном действии.

Мы видим, что Клиндер и Кокс, как и Гекхаузен, выстраивают конструкт процесса мотивации. Но теорию актуальных интересов можно назвать уже промежуточной стадией на пути к «субъективизации» действия. Авторы теории CC опираются на проведенные ими исследования, подтверждающие постулируемую в названии теории фильтрацию индивидом внешних стимулов, раздражителей. С другой стороны, надо думать, сложнее постичь действия внешних сил на процесс мотивации с целью поиска неких общих закономерностей, тем более опираясь на эмпирический опыт. Так что вынесем предположение, что в дальнейшем могут появиться работы, неким образом структурирующие непосредственно внешнее воздействие на деятельность индивида. Мы знаем примеры теорий, показывающих, что считать действием и кого принимать за его «автора». Интересно будет подняться над субъект-объектными отношениями (опять-таки вспоминается мифологическое сознание в духе Кассирера), сосредоточившись на внешних условиях, постараться понять, что же стоит принимать за настоящий внешний стимул, а на какое воздействие со стороны индивиду следовало бы закрывать глаза и не сетовать на среду. И далее, какие конкретно внешние условия снимают с индивида ответственность за совершаемые поступки или, того больше, лишают его причастности к сделанному (*это был не я*). Или же, возвращаясь внутрь процесса мотивации, рассмотреть, к примеру, конечный его пункт, то есть цель: есть ли среди них такие, что заведомо будут тормозить весь процесс, или же он вовсе не запустится...

Бывают и такие ситуации, когда индивиду кажется, что у него нет выбора, что же избрать за конечный результат своей деятельности, иными словами, индивид думает, что имеет лишь одну возможную цель. Но выбор есть всегда. Теория ожидаемой ценности (Expectancy x Value Theory) пытается понять механизм предпочтений [Там же]. Люди оценивают каждый из стимулов и субъективную вероятность (ожидание) достижения цели. От достижения целей, обусловленных стимулами с позитивной оценкой, индивид ожидает удовлетворения в большей степени, чем неудовлетворения. Таким образом, индивиды оценивают объекты – потенциальные цели по ожидаемому от них эмоциям. Получается, что индивид с менее развитой эмоциональной сферой затратит больше времени на принятие решения.

А каков механизм отбора, когда цель одна, но она одновременно есть конечная точка как внутренней, так и внешней мотивации? То есть индивид уже оказывается перед выбором разнородных явлений. Например, занятие в спортзале само по себе вызывает удовольствие от движения (внутренняя мотивация), тогда как посещение спортзала с целью сделаться более сильным – это уже пример мотивации внешней. Да, казалось бы, цель, в нашем случае маршрут, определен. Но опять-таки в игру вступает категория времени: удовлетворение сейчас или же перспектива быть более выносливым в будущем. Думаем, временной фактор играет большую роль в ситуации, когда одни и те же действия мотивируются внутренне и экзогенно. Отказ от выполнения действия сейчас еще не означает, что индивид не совершит его в будущем.

Равновесие в мотивационной структуре индивида зависит от преобладающего типа мотивации. Поведение, обусловленное мотивацией внешней, может быть шагом к следующей цели, являющейся ступенью к достижению конечной внутренней цели (*intrinsically motivated goal*). Важен и характер этой конечной цели: приближающий или аверсивный. Люди, цели которых в большинстве относятся ко второму типу, менее удовлетворены жизнью. Нельзя однозначно заявить, что внутренняя мотивация с психологической точки зрения прогрессивнее [Там же]. Эдвард Л. Деки и Ричард М. Райан рассматривают индивида как проактивный организм – люди активны от природы и обладают естественной тенденцией эффективного развития [7]. Для внутренней мотивации характерно упорство индивида в решении задач, которые он считает интересными, которые открывают перед ним возможность внутреннего роста. Также Деки и Райан утверждают, что эндогенно мотивированное поведение основано на потребности ощущать себя компетентным в той или иной области и самодетерминированным, независимым (автономным).

Теория самодетерминации (*Self-Determination Theory*) эмпирически базируется на макротехории мотивации человека и направлена в большей степени на типы мотивации, в особенности на автономную, регулирующую мотивацию, амотивацию, а также данная теория не оставляет без внимания социальные условия, влияющие на вид мотивации, ее силу, в зависимости от психологических потребностей автономии и компетентности. Теория самодетерминации занимается также избираемыми людьми жизненными целями и их aspirations (стремлениями), разграничивает влияние внутренних и внешних целей на достижения результата. Автономная мотивация включает в себя как внутреннюю мотивацию, так и виды внешней мотивации, в процессе которых происходит отождествление индивида с ценностью активности. Обладатели этого типа мотивации чувствуют, что их деятельность продиктована их собственной волей. Управляемая мотивация состоит как из внешней мотивации, в процессе которой поведение индивида вознаграждается или наказывается, так и содержит частично интроектированные индивидом правила поведения. Действия его побуждаются мотивами признания, избегания критики. Очевидно, что мотивированные таким образом оказываются принуждаемыми к определенному роду мышления, проявлению чувств и способу поведения. Амотивация же выражается в недостатке целей и мотивации.

В отличие от многих теорий мотивации, предполагающих, что психологические потребности приобретаются в ходе научения, теория самодетерминации [8] утверждает, что потребности компетентности и автономии являются базовыми

и универсальными. Вместо уровня потребностей эта теория сосредоточилась на концептах, вытекающих из меры удовлетворения/неудовлетворения потребностей. Ориентация причинности и жизненные цели – вот на что делает упор теория самодетерминации при анализе мотивации. Деки и Райан не относят стремления (аспирации) к потребностям, так как стремления имеют, скорее, приобретенный характер, в зависимости от степени удовлетворения потребностей автономии и компетентности. Внешние цели имеют свойство компенсировать удовлетворение потребностей. Теория самодетерминации идет, как мы видим, дальше теории драйва и механистических теорий мотивации, видящих человека пассивным существом, подверженным влиянию как внутренних физиологических импульсов, так и внешних сил. Теория самодетерминации, рассматривая деятельность, уделяет пристальное внимание мотивационной структуре индивида и воздействия на него социума, но отодвигает на второй план биологический аспект поведения человека. Экзогенные стимулы в теории самодетерминации представлены в основном общественными отношениями. Таким образом, теория самодетерминации, с одной стороны, демонстрирует интегрированный подход к проблеме мотивации (в этой теории нет перекоса в сторону субъекта деятельности, его внутренней конституции или нивелирования внешних факторов), с другой стороны, теория самодетерминации скорее вписывается в структуру мотивации трудовой деятельности, чем имеет универсальный характер. Александр Вашенко, автор модели внутренней и внешней мотивации, видит самодетерминацию составной частью предлагаемой им структуры трудовой деятельности. Утверждая, что эндогенные стимулы в той или иной степени осознаются индивидом, А. Н. Вашенко использует термин «самотивация». Стремление к ней – наравне со стремлением к самоактуализации и самодетерминации – автор включает в подсистему внутренней мотивации [9]. Тем самым данная модель подходит к действующему субъекту более конструктивно: рассматривает его как органическое целое, а не дробит на человека общественного и *homo liber*, *homo privatus*: «В экономических интересах и мотивах присутствуют как экономические, так и психологические факторы, которые образуют в каждом конкретном случае некое сложное структурное образование. В нем могут доминировать как экономические, так и психологические начала. При этом если на всех уровнях воспроизводственного процесса преобладает, как правило, экономическое начало, то на всех его субуровнях, прежде всего отдельно взятого человека-работника или управленца, превалирует начало психологическое» [Там же].

Попробуем найти подтверждение нашей гипотезе, что новое видение мотивации (которое будет обладать универсальным характером – в том смысле, что не затеряется в гуще теории и будет легко применимо ко всем сферам деятельности индивида) должно не только, повторимся снова, адсорбироваться от субъекта мотивационной ситуации и от объекта, на который направлена его деятельность, от конечной цели, но также этот новый подход должен отказаться от линейного представления процесса мотивации. Наверняка многие представят себе пирамиду потребностей Абрахама Г. Маслоу. Но теория потребностей также завязана на индивиде, его желаниях и стремлениях. К сожалению, «открытая возможность» самоактуализации, с нашей точки зрения, не есть априорная данность, следует принимать во внимание как генетический, так и социальный фактор.

По нашему представлению, новый подход к мотивации деятельности человека должен базироваться на фундамен-

тальных максимумах (кантовские «категории» пространства, времени, субстанции (или объекта) и причинности). Кроме того, следует не забывать об интерсубъективном мире «культурных смыслов». Мир культуры, как доказал Эрнст Кассирер в «Философии символических форм», не подчиняется универсальным законам природы, а имеет свои, совершенно независимые.

Продолжая наш ретроспективный обзор в поисках предвестников нового подхода к мотивации, разделим существующие мотивационные гипотезы на четыре группы:

1. Гипотеза гомеостаза: употребляется в контексте биологической трактовки мотивации человека. Мотивация возникает с нарушением гомеостаза, в результате чего индивид старается снова возвратиться к состоянию внутреннего равновесия.

2. Экзогенные гипотезы: дополняют или заменяют гипотезу гомеостаза. Главная роль в них отводится внешним факторам, развивающим или регулирующим мотивированное поведение.

3. Когнитивные гипотезы: подчеркивают первостепенное значение ориентации в ситуации и ее когнитивную оценку. Влияние на мотивацию также оказывает имеющийся у индивида опыт, обуславливающий и появление актуальных мотивов, а также роль играет и способ удовлетворения желаний, порождающих мотивы.

4. Гуманистические гипотезы: учитывают типичные именно для человека черты мотивации. Этот подход также называют экзистенциальным. Центральным понятием для этого направления является самоактуализация: индивид, поглощенный некой задачей или неким внешним явлением, имеет амбивалентную природу: с одной стороны, он посвящает делу всего себя, возможно, даже жертвует собой, с другой стороны, он принимает некое послание, источник которого находится за границами его Я [10]. Сущностью осознанного стремления к самоактуализации является желание человека как можно глубже постичь самого себя. У Маслоу самоактуализация идентифицируется со зрелостью личности, самоактуализированные индивиды отличаются продуктивным восприятием действительности, открытостью, целостностью личности, спонтанностью, креативностью, способностью соединять конкретное с абстрактным, демократической структурой характера и способностью любить. Незрелость же проявляется в удовлетворении потребностей в неправильном порядке.

Думаем, иерархию потребностей, столь прочно вошедшую в массовое сознание, нужно рассматривать именно в контексте теории самоактуализации личности. Опять-таки указываем на неоднозначность применения этой и схожих теорий, во главу угла помещающих идею о личностном росте. Нам кажется, что все вышеперечисленные гипотезы, пусть и в разной степени, выходят из первой, гипотезы гомеостаза. Сейчас, правда, мы часто в литературе встречаемся с феноменом *flow*. Это состояние, в котором человек оказывается в ходе нравящейся ему деятельности. Теория

flow, изучая ощущения человека во время деятельности, приносящей удовольствие, базируется на позитивной психологии и утверждает, что этого приятного состояния можно достичь в процессе любой деятельности. Причем мотивация исходит из самого интереса к деятельности, становящейся деятельностью ради деятельности. В таком подходе к мотивации остается мало места внешним факторам. В нем можно видеть своего рода «надстройку» к мотивационным гипотезам гомеостаза, подвижного равновесного состояния организма. Именно нарушение равновесия, согласно им, ведет к возникновению мотивации. Но принцип гомеостаза в большей степени объясняет явление саморегуляции, чем мотивации к деятельности. Как мы упомянули вначале, мышление – это непрерывный процесс, также являющийся деятельностью, причем мотивируемой. Тем более под мышлением мы понимаем всю духовную деятельность человека. Неверно полагать, что неосознанные, непосредственные импульсы не принадлежат к актам сознания. Сознание человека включает в себя и процессы, не поддающиеся осознанию. Таким образом, деятельность человека следует рассматривать как процесс перманентный, мотивацию же – как некий континуум: «Чем больше мы заняты любимым и интересным делом и чем большую радость оно приносит, тем больше хочется его продолжать. Внутренние, процессуальные потребности являются поэтому принципиально ненасыщаемыми, имеют антистатический характер. Через них личность развивается, а не только удовлетворяет свою нужду в чем-либо» [9].

Дальнейшие исследования понятия мотивации, думаем, будут вестись в нескольких направлениях. Во-первых, будет продолжена «сегментация» как субъекта деятельности, так и самого действия, можно назвать такой подход антипсихологическим. Возможно, в этом же ключе, с применением формально-логического анализа, будут рассмотрены и цели, к которым устремлена мотивируемая деятельность. Иными словами, что может выступать в качестве конечной стадии действия, а что нет. Да и само понятие «мотивированный» также нуждается в пересмотре. Например, Кандейси Воглер оставляет за человеком право действовать *просто так*. Таким образом, можно предположить, что появятся новые работы о месте спонтанности в мотивационной структуре и о морали как внешнем импульсе, влияющем на поведение человека, что экзистенциальную психологию ожидает вторая волна в связи с возрастанием интереса к категории удовольствия, но рассматриваться она будет, скорее, в рамках трудовой деятельности, понимаемая как фактор личностного роста и саморазвития. Неугасающий интерес к теориям потребностей и психологическому подходу к мотивации деятельности, вероятно, вызовет развитие нейроэкономики. Познания в этой области могут послужить импульсом к построению новой модели процесса мотивации, модели не линейной, а, скорее, замкнутой, сферической. Эта структура будет призвана отразить пространственно-временную и причинно-следственную характеристику деятельности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК / REFERENCES

1. Vogler C. Reasonably Vicious. Cambridge: Harvard University Press, 2002. 295 p.
2. Thompson M. Life and Action. Cambridge: Harvard University Press, 2008. 223 p.
3. Korsgaard C. The Constitution of Agency. Oxford: Oxford University Press, 2008. 345 p.
4. Korsgaard C. Self-Constitution. Oxford: Oxford University Press, 2009. 230 p.
5. Heckhausen H. Motivation and Action. Berlin: Springer, 1991. 504 p.
6. Klinger E., Cox W. M. Motivation and the theory of current concerns In Handbook of motivational counseling: concepts, approaches, and assessment. Chichester, West Sussex; Hoboken, NJ: John Wiley&Sons, 2004. 515 p.